

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

«Реквием» как мечта

На сцене Дворца культуры им. Гагарина был исполнен музыкально-хореографический спектакль, посвящённый поэтессе Анне Ахматовой

ПОЛИНА НЕКРАСОВА

X Международный фестиваль современной музыки в Перми Sound 59, длившийся месяц, завершился музыкально-хореографическим перформансом «Реквием по Анне» театра «Балет Евгения Панфилова». К премьере этого спектакля труппа шла 26 лет.

Представление было разбито на два отделения. Первое — чисто музыкальное — готовило зрителя ко второму, пластическому. На авансцене, на фоне закрытого занавеса, музыканты ансамбля Red Sound исполнили фрагменты сочинений, хронологически связанных с биографией Ахматовой.

Программа открылась двумя частями из сонаты для скрипки и фортепиано Сергея Прокофьева. Скрипачка Наталья Васёва и пианистка Елена Власова появились обе в красных платьях. На фоне красного же занавеса фирменный концертный стиль ансамбля Red Sound смотрелся художественным приёмом, усиливавшим эффект тревожности. Одну из самых мрачных своих сонат Прокофьев писал в те же годы, что и Ахматова свой «Реквием».

Период создания обоих сочинений вобрал в себя страшные 1937–1938 годы, когда государственная система проглатывала людей сотнями и тысячами. Ахматова переживала это время как жена и мать: в 1921 году по обвинению в участии в контрреволюционном заговоре был расстрелян её муж, поэт Николай Гумилёв, в начале 1930-х годов арестован её другой супруг Николай Пунин, а в 1938-м впервые забрали сына, Льва Гумилёва.

Эпиграфом к «Реквиему» стали слова обратившейся к Ахматовой такой же, как она, матери, узнавшей поэтессу среди других женщин в очереди в тюрьму: «А это вы можете описать?» «Могу», — ответила Ахматова. И описала.

Вторым номером программы стали две прелюдии для фортепиано Александра Скрябина в исполнении Виктории Зориной. Середина 1890-х годов. Анне Андреевне шесть лет, семья проживает в Царском Селе. Тёплые и радостные воспоминания детства этого периода оформились впоследствии в «Царско-сельскую оду».

Четвёртая прелюдия была написана вскоре после рождения Ахматовой. Для композитора Игоря Машукова она послужила отправной точкой при написании «Реквиема по Анне», который лёг в основу балета.

Из счастливого детства — обратно в мрачные 1930-е. Теперь — Дмитрий Шостакович, две части из Сонаты для виолончели и фортепиано. Друг Ахматовой, поэт Осип Мандельштам, пишет эпиграмму, посвящённую «кремлёвскому горцу» Сталину, и попадает в тюрьму. Ахматова навещает его семью и его самого. Здесь и сейчас за инструментами — Роман Костырев (виолончель) и Вера Калякина (фортепиано).

Первое отделение завершилось выступлением пианиста Сергея Буслова, исполнившего Токкату для фортепиано Прокофьева, произведение 1912 года, символизирующее новый прилив сил композитора, ощущение им собственного голоса, юношеское упоение ритмом жизни. По сравнению с другими исполнителями, сыгравшими свои части программы отрешённо-иллюстративно, Буслов будто выпустил на волю пучок электричества, в мгновение взбодрившего публику, к этой минуте начавшую понемногу клевать носом.

Во втором отделении, которое последовало сразу, без антракта, на сцену вышел «Балет Евгения Панфилова». Как говорится в пресс-релизе театра, работа над этим хореографическим спектаклем была начата в 1989 году ещё самим Панфиловым. Создатель театра планировал серию балетов о русских поэтах, и один из них, посвящённый Анне Ахматовой, он заказал композитору Игорю Машукову.

Воплотить идею в реальность удалось лишь спустя 26 лет.

О музыке «Реквиема по Анне» «Новый компаньон» уже писал в сентябре. Тогда в частной филармонии «Триумф» состоялся отчётный концерт участников Международной академии молодых композиторов в Чайковском. Под руководством автора «Реквиема по Анне», председателя Пермского отделения Союза композиторов Игоря Машукова, были исполнены два фрагмента из балета, посвящённого Анне Ахматовой: «Безгласие», «И упало каменное слово (Парад)».

На премьере хореографического «Реквиема по Анне» партитура звучала в живом исполнении. Машуков протянул мысль о поэте через эпохи, от рождения до смерти и жизни в памяти потомков. Точкой отсчёта стала одна из прелюдий Скрябина, тема, на которую Машуков написал 10 вариаций. В арсенале композитора набор разных инструментов — от тибетской чаши до граммофонной записи и человеческого голоса. Нет попытки реконструировать биографию Ахматовой — есть личное эссе на тему судьбы великого поэта, которому уготовано жить во времена «века-волкодава».

Пользуясь средствами двух скрипок, фортепиано, перкуссии и электроники, за пультом которой композитор на премьере выступил лично, Машуков создал совсем не камерное произведение, в котором слышны отголоски маршей, массовые стоны и отдельные плачи и для равновесия — духоподъёмные гимны.

ФОТО ИЛЬЯ БУКИРЕВ

В музыкальном отношении премьера действительно состоялась. В отличие, к сожалению, от пластической составляющей.

Надо понимать, что постановочный период балета длился, конечно, не все те 26 лет, о которых говорится в пресс-релизе. Но, каким бы он ни был, на выходе спектакль не произвёл впечатление готового. В хореографическом решении Сергея Райника, действующего художественного руководителя театра, «Реквием по Анне» выглядит эскизом. Как будто постановщику не хватило времени до премьеры, чтобы облечь либретто в хореографию. И чем дальше от начала спектакля, тем слабее было происходящее на сцене.

Самой яркой и запоминающейся получилась первая картина, повествующая о принятии героиней своего поэтического дара ещё до момента физического появления на свет. Под инопланетное звучание тибетской чаши (музыканты здесь же, на краю сцены и у её подножия) из-за кулис появляются мужчины с носилками, на которых лежит она — главная героиня. Это Мария Тихонова: трудно представить кого-то более подходящего для этой роли, чем ведущая солистка труппы. Коротко стриженная брюнетка, с прямой чёлкой, Тихонова внешне напоминает ту Ахматову, графический портрет которой вынесен на афишу спектакля.

Весталка (высокая, как тростник, Юлия Манжелес) ведёт обряд посвящения: судьба поэта уготована Анне ещё до рождения. Дар труден для хрупких плеч героини, но приходит мифо-Гумилёв, друг и возлюбленный (надёжный во всех отношениях Сергей Курочкин), и подставляет Анне своё плечо. Анна-Мария подходит к носилкам и повисает на них в позе Христа на кресте. Жребий брошен, с днём рождения, Анна Ахматова.

Эта роль могла бы стать одной из лучших в репертуаре Марии Тихоновой. Поэтический стиль Ахматовой,

которому свойственна психологическая глубина, лексическая точность и взвешенность мысли, находит адекватное воплощение в творческой манере примы «Балета Евгения Панфилова». Тихонова царит на сцене, даже когда просто стоит на месте. И однажды хореограф этим пользуется, оставляя Анну-Марию наедине со всем залом.

Но одного раза недостаточно. В спектакле мало «крупных планов», моментов, когда внимание фиксируется на главной героине. Постановщик то и дело отправляет её на «обочину» — в угол или на сторону сцены, отдавая центр кордебалету. У кордебалета разное предназначение: он выступает в роли то помощников Весталки, то слов и строф поэтессы, то шквальной силы истории, сметающей всё на своём пути. Во главе этого, последнего, начала выступает персонаж по имени Сталь (возвышающийся над всеми, как гора, и с бешеной энергетикой Алексей Расторгуев).

Художник-постановщик воздействует на зрителя экспрессивными средствами: чёрно-красная гамма костюмов, доминирующий красный свет, характерные текстуры в костюмах — кожа и фатин. Будёновки — как символ революции. Длинная красная верёвка — как бич эпохи. Белый тюль — как эмблема чистого листа. Плакатному художественному решению не хватило хореографии под стать.

Если солисты за счёт собственной харизмы вытягивают отдельные картины, то в моменты, когда пространство сцены занимает кордебалет, постановка проваливается. И без того не самую изобретательную хореографию артисты исполняют вполне. Возможно, им действительно не хватило времени, чтобы подготовить премьеру. Всего месяц назад труппа выступила с недавней премьерой «Мона Лиза» в Москве на площадке Дома музыки. Не исключено, что со временем спектакль покажет себя уже по-другому.